Знаменитый Каталог «Уокер&Даун»

Автор:

[Давиде Морозинотто](#)

Знаменитый Каталог «Уокер&Даун»

Давиде Морозинотто

Луизиана. 1904 год. В дельте реки Миссисипи, среди каналов и болот, в пальмовых лесах живут Те Труа, Эдди, Жюли и Тит. Они свободны, как все дети того времени и тех мест. У них есть хижина – место для самых секретных встреч – и большое каноэ, в котором не страшно выходить в большую реку с её ловушками.

Те Труа, Эдди, Жюли и Тит – такие разные, но сложно представить себе друзей более близких. У них есть торговый Каталог Уокер&Даун, 3 доллара и большое желание открыть мир. И когда вместо заказанного револьвера им приходят старые часы, которые даже не работают, эта четвёрка, ни секунды не сомневаясь, уезжает в Чикаго, чтобы получить свой револьвер.

В поездке они встретятся с профессиональными мошенниками, продажными копами, злодеями, которые кажутся добрыми и милыми людьми, хотя совсем таковыми не являются... неразгаданным преступлением и большими, просто огромными деньгами...

Потрясающий современный итальянский роман, продолжающий традиции «Гекльберри Финна».

Давиде Морозинотто

Знаменитый каталог «Уокер&Даун»

Davide Morosinotto

IL RINOMATO CATALOGO WALKER&DAWN

Written by Davide Morosinotto

Copyright © 2016 Book on a Tree Limited

A story by Book on a Tree www.bookonatree.com (<http://www.bookonatree.com/>).

© 2016 Mondadori Libri S.p.A., Milano for the cover and the interior graphic layout.
Graphic Design: Stefano Moro. Cover: Illustrations by Stefano Moro and Annalisa Ventura

© Shutterstock, 2019

© Ю. Блюхер, иллюстрация на обложке, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

Часть 1

Байу

1

Приманка для рыбы-призрака

Всё началось с убийства мистера Дарсли.

Хотя нет. Если разобраться, всё началось ещё раньше, в тот день, когда мы закончили каноэ.

Отличное у нас получилось каноэ! Мы несколько месяцев искали подходящее дерево, пока не наткнулись на здоровенный кипарис, росший у болота. Потом долго кромсали его топориком (точнее, рубил я, ну и Жюли немного, пока Эдди ныл, что нечего женщинам валить деревья, а Тит пялился на нас, не говоря ни слова. Хотя если по правде, то Тит вообще всегда молчит).

Повалить кипарис – это только начало, в нём ведь ещё надо выдолбить четыре сидячих места. А потом гладко выстругать ствол и как следует отшлифовать – мы шкурили его мелким песком с одного конца до другого чуть ли не до крови в ладонях.

На всё это ушли месяцы – ещё и потому, что хранить каноэ мы решили в Убежище, а это довольно далеко от дома, и я мог заскочить туда лишь вечером после заката, ну или когда мама разрешала погулять – а такое разве бывало?

В тот день, например, я всё-таки решил удрать без разрешения. Наврал маме, что иду на ферму к Фабронам помогать с починкой сарая, а сам смылся в Убежище. Это что-то вроде хижины, которую мы с ребятами из банды

соорудили прошлым летом. Она находилась как раз на краю байу – большущего зелёного болота, прикрытого густой сеткой болтающихся лиан, над которыми зависло облако здоровенных комаров. А ещё из-за этого болота и весь наш край называют байу.

Сама хижина, конечно, не ахти – кособокая соломенная крыша да земляной пол, – но ведь никто, кроме нас, не знает о её существовании! А это самое главное. Постепенно мы даже натащили в неё кучу никому не нужного барахла. Добраться до неё можно на лодке или пешком – через Трухлявый мост и короткую, но дико опасную тропу, ну, где зыбучие пески. Говорят, там уже сгнуло невесть сколько народу.

Ясное дело, нас в это место тянуло со страшной силой. Добраться до Убежища уже само по себе было приключением (хотя, если честно, мы-то отлично знали потайную тропинку на болоте). Вот и тогда я примчался сразу после обеда и застал там Жюли и Тита, которые уже работали над каноэ, оттачивая последние детали.

Жюли и Тит – брат и сестра, но держу пари, с первого взгляда это и в голову никому не придёт. Жюли моего возраста и очень красивая. Не то чтобы я в неё влюблён и всё такое, просто все в посёлке так считают, поэтому и называют её Жоли, «красотка». Жоли Жюли, Жужу. У неё рыжие волосы, веснушки, тёмные глаза и забавная щербинка между передними зубами. Что до Тита, так он весь шоколадного цвета, волосы у него жёсткие, кудрявые. И маленький такой, и по возрасту, и по росту, так что все называют его Петит – «малыш». Сокращённо Тит.

Короче, Жюли была белой, а Тит – чернокожим, и то, что они всё-таки брат и сестра, автоматически ставило мать Жюли в очень нехорошее положение – «продажная женщина, шлюха», как поговаривал мой брат Чак, заявляя в придачу, что небось именно потому-то Тит и родился таким полудурком. Но я-то знаю, что всё это враки – Тит куда умнее прочих. Просто он предпочитает молчать. Он смотрит, слушает и никогда не говорит. Может, он давно понял, что много болтают одни дураки. Например, мой братец Чак – так тот вообще не умолкает ни на минуту.

Тит спокойно сидел себе на старом пне, а Жюли скребла ножом корпус каноэ. Она как раз заканчивала вырезать на нём название: «Гроза морей». Незаметно от них я скользнул в Убежище, где пахло плесенью и гнилым илом. Жужу оставила на земле свой конопляный кисет, я тут же схватил его, выудил жменю крошеного табака и набил трубку. Потом вышел и с трубкой в зубах уселся перед Убежищем, не скрывая улыбки. Вот тогда-то Тит меня и заприметил – я ж говорю, что он не дурак, – и тут же ткнул в меня пальцем.

Жюли бросила работу, подняла голову и вытерла потный лоб подолом юбки. На мгновение передо мной мелькнули её бледные ноги, и внутри всё словно перемешалось. Рядом с ней на меня частенько что-то накатывало.

– Те Труа! – крикнула она. – Ты стащил мой табак!

Ну да, Те Труа – это я, и в тот момент я дьявольски (как мне показалось) ухмыльнулся и вскочил на ноги.

– Да ладно тебе, я даже не разжёг трубку! Дай-ка мне лучше нож, не то мы и до завтра не закончим.

Ага, так Жюли и разогналась уступить мне нож. Хочешь не хочешь, пришлось строгать весло.

Тут приплёлся Эдди. Эдди-Кузнечик, или Эд-очкарик, мой лучший друг. Эд на год старше меня и на ладонь выше, но он такой худосочный, что, когда мы дрались, я всегда укладывал его на лопатки. Светлые волосы Эдди напоминали торчащие волокна сахарного тростника, а старые очки были связаны за дужками бечёвкой. В байу ни у кого, кроме Эда, вообще не было очков – его отец, доктор, специально ездил за ними аж в Новый Орлеан.

– Что-то скверно я себя чувствую, – простонал Эдди, усаживаясь на пень рядом с Титом. – Наверное, у меня температура.

У Эдди вечно поднималась температура. И он вечно плохо себя чувствовал, иногда даже бредил – и говорил, что в такие мгновения он слышит голоса болота и понимает тайный язык зверей. Ясное дело, сплошные враки.

Как бы то ни было, если Эдди говорил, что у него температура, никто и ничто не могло заставить его взяться за работу, поэтому мы с Жюли молча переглянулись и продолжали работать сами. На отделку ушло ещё несколько часов, зато до заката каное было готово. Вот она, лучше некуда – гладкая красавица лодка, которая по скорости могла заткнуть за пояс хоть межокеанские корабли, это уж точно.

Так как постройка каное – целиком моя заслуга, мне и следовало первым спустить его на воду, но Жюли почему-то и слышать об этом не хотела, и Эдди тоже, а Тит так вообще неизвестно зачем уже залез на борт, и выпихнуть его оттуда не было никакой возможности.

Тогда мы решили, что спустим каное на воду все вместе, и стали отталкивать его от берега. Каное держалось на воде просто отлично, даже чуть выше предполагаемого, и мы все вскочили в него друг за дружкой. Я пристроился стоя и начал медленно грести, стараясь не врезаться в редкие островки и стволы деревьев, словно растопыренные пальцы, неожиданно поднимавшиеся из застоялой воды.

День стоял душный и жаркий, солнечные лучи застревали среди листвы и раскрашивали болото изломанными тенями. Я продолжал грести, пока Убежище не исчезло из виду, и лишь затем, уставши, присел, чтобы разжечь давешнюю трубку.

– Давай сюда, – сказала Жюли. – Как-никак табак-то мой.

– Я не буду, у меня температура, – вставил Эдди.

Пока Жюли разжигала трубку, я насадил на удочку свою фирменную наживку на рыбу-призрак, которую сам и смастерил, и поверьте, она была куда лучше, чем фирменные крючки из Каталога.

– Осторожно, – предупредил Эдди. – Эта часть байу опасна, я слышу странный шёпот.

– Опять враки, – бросила Жюли.

– А вот и нет. Из воды доносится зловещий шёпот, бормотание и свист. Можете мне поверить, это мокасины, их тут сотни.

Водяные мокасины – это болотные гадюки, и очень ядовитые: один их укус может укокошить насмерть любого. Но в то, что их тут сотни, я, конечно, не верил, да и вряд ли эти твари повелись бы на мою наживку. А вот на стеклянного сома она в самый раз, и поздоровее бы!

Я забросил поплавков и устроился поудобнее, перекидываясь байками с остальными. Эдди рассказал, что этой ночью у мадам Бушер начались схватки и она родила девочку, только та оказалась с шестью пальцами на левой руке, что было дурным знаком. В жизни не встречал никого, кто так охотно верил бы всяким глупостям, как Эдди-Кузнечик!

Жужу похвасталась, что едва не поймала гигантскую черепаху, которая чуть не оттапала ей ногу. Скажи это любая другая девчонка, я бы не поверил ни единому слову, но Жюли я знал хорошо, и если она сказала, значит, так оно и есть.

Тут удочка дёрнулась и чуть было не упала в воду, но я вцепился в неё как раз вовремя.

– Ключёт! – завопил я. – Да это сущий монстр, во как тянет!

Эдди, желая помочь, подскочил ко мне, но я велел ему сидеть и не дёргаться – ещё перевернёт каноэ, и вывалимся все в воду. Враки враками, а болотные мокасины тут и правда могут водиться. Сам я покрепче упёрся в лодку широко расставленными ногами, стиснул удилице и приготовился к долгой борьбе. Гигантский стеклянный сом, как пить дать! Самый огромный из всех, что попадались на этом берегу байу.

Увы, я ошибался. Наживка оказалась на поверхности после первого же рывка, а на крючке вместо огромной рыбы болталась грязная и дырявая жестяная банка.

– Фу, да это просто жестянка от томатной пасты, закинь её подальше, – сказал Эдди.

- Дурак, - тут же ответила ему Жюли, - мы можем сделать из неё фонарь для Убежища.

- Точно, и будем приходить по ночам, - поддержал я.

- Но по ночам здесь черти шастают! - воскликнул Эдди.

- Опять врешь, - не сдавалась Жюли.

- А вот и нет! Они бродят по болоту, как голубые огоньки!

Похоже, разгоралась ссора, но маленький Тит что-то промышал, протянул руку и первым ухватил жестянку. В ней что-то звякнуло.

- Дай-ка взглянуть, - сказал я.

Выватив банку из руки Тита, я вывалил её содержимое на дно каноэ. Сперва оттуда вылилась вода вперемешку с илом, потом вывалились три монеты. Три долларовые монеты, блеснувшие на солнце, словно три крошечные искры.

- Три доллара! - воскликнул Эдди и протянул руку.

Я тут же врезал ему в плечо, и он чуть не упал в болото.

- Не лезь, - предупредил я. - Это я их выловил!

- Но удочка же моя!

- Зато наживка моя!

- А каноэ общее, - вмешалась Жюли. - И если бы не я и не Тит, то вы бы давно выбросили эту банку вместе с монетами.

Мы смотрели на сияющие монеты, пока не начало резать глаза.

- Каждый может взять по монете... - пробормотал Эдди.

– Но монет всего три, а нас четверо, – заметил я. – Хотя Жюли и Тит все равно родственники.

– За доллар можно, конечно, купить что-то стоящее, – задумалась Жюли. – Но три доллара – это уже настоящее богатство! Я считаю, мы должны все вместе решить, на что их потратить!

– Держу пари, что за три доллара мистер Траверт продаст нам половину своей лавки, – выдохнул Эдди. – Вот уж набью живот ирисками, пока не лопну!

– Можно пойти к мистеру Фаброну и купить поросёнка, – предложил я. – Держать его в Убежище и кормить объедками. А как разжиреет – продать и купить ещё трёх-четырёх. Да мы устроим настоящую ферму! И лет через пять разбогатеем!

– Но пять лет – это уйма времени, – возразил Эдди. – А вдруг поросёнок заболеет и умрёт?

– Я умею обращаться с животными, – запротестовал я. – Кто ходит к Фабронам помогать по хозяйству?

– Но это не значит...

Пока мы спорили, Жюли молча рассматривала монеты. Потом вдруг улыбнулась, собрала их и сжала в кулаке.

– Я придумала! – воскликнула она.

– Что?

– Каталог! Мы можем купить что-нибудь из Каталога.

Когда говорят о Каталоге, то каждому ясно, что речь о ЗНАМЕНИТОМ КАТАЛОГЕ «УОКЕР&ДАУН»: «САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ! ПОТРАТЬ СВОИ ДЕНЬГИ С УМОМ! ВОЗВРАТ ГАРАНТИРОВАН!»

Если верить рекламе, это вторая по популярности книга в Америке после Библии, но как по мне, так даже и первая, потому что в наших местах ведь мало кто умеет читать, а в Каталоге хоть рисунки есть.

И что за рисунки! Две тысячи страниц всевозможных вещей и предметов, и на каждую – отдельный рисунок, будто вещь эта прямо вживую у тебя перед глазами.

В Каталоге продаются пуговицы, медикаменты, молотки и аграрные инструменты. Телеги. Лошадиные сёдла. Драгоценности и часы, платья и шляпы, дамские туфли. Ружья. Рыболовные снасти. Целебные мази. Боксёрские перчатки. Полный набор инструментов для постройки дома. Стоит лишь подумать о чём-то, о чём угодно, и можно быть уверенным, что эта вещь найдётся в Каталоге, а к ней и рисунок, две строчки описания и, конечно, цена.

Мистер Фаброн говорит, что много лет назад по Каталогу можно было купить даже африканских рабов, но как по мне, так это он шутит: всем известно, какой он зубоскал, и потом, не думаю, что мне было бы приятно заказать Тита из какого-то Каталога. Хотя, может, и наоборот: я немедленно бы его выкупил, лишь бы они с Жюли снова были вместе.

Короче, для нас, ребят из банды, Каталог – точно чудо из чудес. Его присылают в каждый дом примерно в начале года, и для нас это праздник чуть ли не похлеще Рождества. После ужина мама садится в кресло-качалку с Каталогом на коленях и внимательно рассматривает каждую картинку. Палец её движется по странице, и, когда он замирает на чём-то, что кажется ей интересным, мама спрашивает:

– Те Труа, что здесь написано?

И тогда я послушно читаю описание.

– А сколько стоит?

Я озвучиваю цену. Мама улыбается и замолкает, но палец вновь медленно ползёт по странице, словно она уже забыла о той вещи, про которую спрашивала.

Лишь один раз, один-единственный, палец остановился на одном месте и задержался там надолго. Это случилось два года назад, когда наша старая печка треснула и из трещины вывалилась кучка горящих углей, которые чуть не спалили весь дом. Печку пришлось выбросить, и сначала мы пару недель мёрзли, но потом так похолодало, что мой младший брат, Те Синк, заболел: у него поднялась температура, и он мог даже умереть. В общем, не то что температура у Эдди. Тогда мама решила купить новую печку и много вечеров подряд заставляла меня перечитывать ту страницу Каталога, где они были нарисованы, бесконечно переспрашивала цены и характеристики и всё качала головой. На следующий вечер всё повторялось.

Самая дешёвая печка стоила пять долларов семьдесят пять центов плюс расходы на пересылку – в итоге выходило больше семи долларов. Мама отправилась в посёлок с Ниной, нашей лошадкой, и, когда вернулась, Нины с ней больше не было, зато она принесла деньги на печку. Конечно, мне было жаль Нину – она была отличной лошадкой, и с тех пор мне и Те Ду пришлось таскать тележку вместо неё, но что поделаешь – печка зимой нужнее.

Кажется, я немного сбился. То есть я хотел сказать, что Жюли это здорово придумала: если надо решать, как потратить наши три доллара, то лучше Каталога ничего не найти. Точка.

Я повернул каноэ назад и начал быстро грести в сторону Убежища. Вместе мы вытащили лодку на берег и накрыли её ветками и тростником, чтобы спрятать от чужих глаз. А то кто знает.

Потом вырыли яму в земляном полу Убежища и закопали там наши три доллара, хорошенько затоптав это место. Теперь бегом домой – я впереди, нащупывая тропу среди зыбучих песков, за мной Жюли с Титом и последним Эдди. Как

обычно, я распрощался с друзьями на перекрёстке после Трухлявого моста.

Эд жил в посёлке, где у его отца была своя амбулатория, а Жюли с Титом – в хибарке позади плантации Маккоя, и если честно, то лучше бы они переселились в наше Убежище, такое это было скверное место.

Я вернулся к себе домой. Нас в семье пятеро: мама, Чак – мой старший брат, вторым идёт Те Ду, потом я и ещё Те Синк. Отец умер, когда я был совсем маленьким, и я его плохо помню. А вот Те Катр родился через год после меня, но тоже умер, когда я ещё даже ползать не начал, поэтому его я совсем не помню, но мама настояла на том, чтобы имя осталось при нём, поэтому моего следующего брата, пятого ребёнка в семье, называли Те Синком[1 - На французском языке deux, trois, quatre, cinq – это числительные 2, 3, 4, 5. То есть их звали Те Второй, Те Третий и т. д.].

В общем, у нас одни мужчины в семье, кроме мамы, конечно, поэтому она частенько называет нас «моя маленькая армия». Мне это нравится, только бесит, что она имеет в виду и Чака тоже, который вечно ничего не делает, а только и горазд, что бахвалиться на всю округу да раздавать подзатыльники направо и налево.

Когда я добежал до дома, Те Синк во дворе возился в грязи, а Те Ду как раз кормил скот и позвал меня на помощь. Я не очень-то хотел ему помогать, но Те Ду поманил меня пальцем и сказал:

– Тебе же лучше будет.

– Это в каком смысле? – не понял я.

Те Ду не ответил, только криво ухмыльнулся.

– Ты где сегодня был?

– У Фабронов, – тут же выдал я. – Помогал с сараем.

– А-а, устал, небось?

- Ну да.

- Так я тебе и поверил.

Те Ду уже стукнуло пятнадцать, и по росту он почти догнал Чака, но в отличие от нашего старшего братца Те Ду был славным парнем, и всё, о чём он думал, можно было прочесть у него на лице. В придачу он совсем не умел врать.

- Случилось что? - дошло до меня наконец.

Те Ду вздохнул, вылил в корыто полведра каши, и свиньи в загоне тут же начали толкаться и кусаться, чтобы добраться до еды первыми, будто им жареную индейку подали!

- Иди-ка ты лучше к маме, - снова вздохнул Те Ду. - Она давно тебя дожидается.

Когда он так говорил, вырвать у него какое-то объяснение было так же трудно, как заставить рыбу залезть на дерево. Поэтому я оставил Те Ду со свиньями и поднялся на веранду. И даже не забыл вытереть грязные ноги о тряпку перед дверью.

Мама перемешивала в котле рыбный суп - мой любимый! В кухне стояла ужасная духота. На стенах был всюду налёт из жирных пятен, над деревянным столом - туча мух, которые вели схватку за крошки не хуже давешних свиней.

Увидев меня, мама подняла голову и откинула с глаз прядь волос. С тех пор как умер отец, она всегда одевалась в чёрное, а из-под закатанных рукавов виднелись такие мускулы, что она могла бы потягаться в «железную руку» даже с мистером Дюбуа, нашим местным силачом.

- А, вот и ты, - сказала мама.

- Прости, что так поздно, мы немного задержались с работой...

- А как там Мишель?

Мишель был младшим сыном Фабронов.

– Нормально. Мы провозились с крышей весь день, да ещё на такой жаре...

Мама взглянула на меня. Всего на мгновение. И в это самое мгновение я понял: что-то не так.

– Ах, вот как? – заметила она. – Что ж, я рада, что Мишель уже может лазать по крышам. Не думала, что он так быстро поправится...

Теперь я совершенно точно знал, что что-то не так.

– В три часа мистер Фаброн заходил к нам, – продолжала мама, – чтобы одолжить бричку. Мишель упал с лестницы и сломал ногу, его нужно было срочно везти в посёлок к доктору Брауну.

Отцу Эдди.

– И знаешь, что самое странное? Сарай Фабронов, оказывается, не нуждается ни в какой починке... А когда мы приехали в посёлок – я, конечно же, отвезла их самолично, – доктор Браун уже обегал всю округу в поисках Эдварда. Он спросил меня, не отправились ли вы снова на байу играть в ваши глупые игры... Ты же знаешь, как там опасно!

Я так глубоко вздохнул, что вздох этот отозвался в пальцах ног щекоткой...

– Прости, мам.

Мама была темнее, чем её чёрное платье.

– А не хочешь ли ты поведать мне, чем занимался весь день, вместо того чтобы помогать Фабронам?

– Мы с Эдди гуляли, – признался я. – Ловили рыбу.

– И где же ваш улов? Может, добавим его в суп?

Конечно, у меня не было с собой ни рыбёшки: выудив наши три доллара, мы тут же вернулись в Убежище.

Мама покачала головой:

- Те Труа, ты ведь уже не маленький...

Я прекрасно знал, чем всё это закончится, и, если честно, нисколечко не желал это выслушивать, потому что каждый раз, когда мама так мрачнела, у меня сжималось сердце. Поэтому я молчал, понуриив голову, пока она меня отчитывала, и в конце концов мама сказала, что я отправлюсь спать без ужина, а то ведь, наверное, мы с Эдди уже слопали кучу рыбы. И что будет ещё лучше, если с этого момента я стану вести себя как полагается.

Я так проголодался, что мог бы запросто выхлебать весь котелок, ещё бы и вылизал его в придачу, но я лишь вздохнул и молча поплёлся в свою комнату. Что ж, сам дурак - пару рыбёшек мог бы и прихватить для мамы.

Наша комната на втором этаже, она совсем маленькая, но спим мы там вместе с братьями. Только у Чака есть собственная комната, потому что он самый старший. Так что мне редко выпадало побыть одному, когда никто не путался под ногами.

Я плотно прикрыл дверь и на всякий случай привязал ручку бечёвкой. Потом вытащил из-под матраса деревянную шкатулку - я сам смастерил её прошлым летом. Там я прятал самые ценные сокровища: наконечник индейской стрелы, который я нашёл в байу, беличью лапку, перо морского орла и кусочек гравированного дерева. Некоторое время я перебирал это богатство, но из головы никак не шли три доллара и всё, что мы могли бы на них купить.

Тут внизу мама зазвонила в колокольчик, и я услышал, как братья собираются к ужину. Голос Чака заглушал все остальные - он спросил, где я, и, конечно, не упустил случая сообщить всем, какой же я лентяй и бездельник. Но мне до одного места, что обо мне думает Чак. Я снял бечёвку, осторожно приоткрыл дверь, чтоб не скрипела, и на цыпочках пробрался в мамину комнату. Посередине стояла большая кровать, на которой они раньше спали с отцом, а рядом, на комод, лежали мамин ночной чепец, огрызок свечи и Каталог.

На обложке Каталога изображён большой глобус, вокруг которого на всех парах летит паровоз. А обложка довольно помята, потому что мы просматриваем Каталог каждый вечер, прежде всего, конечно, мама.

В мгновение ока я схватил Каталог, укрылся с ним в своей комнате, растянулся на кровати и принялся листать страницу за страницей. В нём красовались серебряные ложки, которые привели бы маму в восторг, и всякие непонятные штуки, как, например, электрический реостат. Фортепиано стоило пятьдесят долларов, а скрипки продавались по два. Книжек же было так много, что мой дружище Эдди свихнулся бы от зависти.

В Каталоге продавались перья, чернильницы и другие школьные принадлежности (пустая трата денег!), велосипед за восемь долларов (эх, будь у меня столько...). Нескончаемые складные ножики, один лучше другого. Кресла цирюльника, как у мистера Флинча. Фонари. Свёрла. Воротнички и манишки. И...

Клянусь, на мгновение у меня остановилось сердце. Потому что я нашёл то, что искал. Идеальное приобретение. И стоила эта вещь немногим меньше трёх долларов, которые как раз имелись в нашем распоряжении.

3

Полицейский револьвер

По ночам на болотах полно привидений. Деревья словно становятся выше, длинные тени тянутся до самого неба, а лианы колышутся на ветру, словно гигантская паутина. Грязь и вода сливаются в единую гладкую поверхность – блестящую, как стекло, и опасную, точно капкан. Вокруг раздаются странные звуки, крики зверей, звон комаров, зловоние гнили и дыхание хищников.

Как по мне, так всё это детские сказки, и никаких привидений нет. Только такой дурак, как Эдди, верит в разные глупости. Но по ночам в болотах и правда опасно, и тот, кто этого не понимает, ещё больший дурак, чем тот, кто верит в привидения.

Я выскользнул из дома, когда все уже спали, – просто перемахнул через окно и спустился по карнизу. Те Синк проснулся как раз в тот момент, когда я залез на подоконник, но промолчал – знал, что иначе ему от меня влетит. А Те Ду – его и из пушки не разбудишь.

Сжимая в одной руке потушенный фонарь, а в другой – Каталог, я побежал в темноту. Последние два дня я только и делал, что постоянно листал Каталог и выучил его чуть не наизусть, но в голову то и дело возвращался тот предмет, что попал мне на глаза в первый вечер, когда мама отправила меня спать без ужина. А всё из-за этой истории с Фабронами!

Нынче после обеда Эдди удалось освободиться, и он заскочил к нам на ферму, чтобы оставить мне записку. В записке синими чернилами было выведено всего три слова: «Ровно в полночь».

Болота начинались сразу после перекрёстка – дальше надо было идти среди высокого, по грудь, бурьяна и невидимых в зарослях прудов. Луна светила где-то далеко, за деревьями. Какой-нибудь раззява сразу зажжёт бы фонарь, но я-то знал, что как раз этого делать и не следует. При свете фонаря отличить твёрдую землю от зыбучих песков сложно, и можно запросто упасть в воду и навсегда сгинуть в болоте. К тому же свет может привлечь хищников, и если привидений не существует, то змеи тут уж точно есть, можете поверить мне на слово.

Я начал было насвистывать для храбрости, но каждые два шага свист так и замирал в горле, хоть зрение в ночи у меня отличное, что у рыси, но болота в темноте – это вам не шуточки. Внезапно мне почудился какой-то шум, похожий на приглушённый крик, и среди деревьев зловеще зашуршало и промелькнуло что-то белое.

Ноги мои вросли в землю, я и шагу ступить не мог от ужаса. Белое нечто то появлялось, то исчезало. Тогда я понял, что оно приближается, и снова почувствовал ноги. Я припустил к Трухлявому мосту, фонарь колотил меня по боку, а Каталог шуршал всеми двумя тысячами страниц.

Призрак, призрак, призрак!.. Сердце выскакивало из груди. Тремя скачками я оказался на Трухлявом мосту, и в этот миг чудовище бросилось на меня и повалило на землю. Я наугад заехал куда-то кулаком, и оно заголосило.

Голос у призрака был точь-в-точь как у Эда. Белая простыня упала на землю, и под ней оказался не кто иной, как мой дружок Эдди, только очки его криво сползли на нос. В ярости я врезал ему ещё разок и пнул ногой в придачу – будет знать, как устраивать идиотские розыгрыши. В ответ Эдди принялся было царапаться, как девчонка, но понял, что за это огребёт ещё больше, и занял, как всегда, когда ему доставалось:

– Я не хотел тебя напугать...

– Врёшь! – рявкнул я в ответ. – Именно этого ты и хотел – устроить мне нарыв сердца!

– Неправда. Я вступил в контакт с болотом, и его дух велел мне изгнать чужаков...

– Глупости, никакой я не чужак.

– Ясное дело, но дух ведь этого не знает.

Может, Эдди был даже прав, но меня дико взбесило, что я, как придурок, попался на его удочку. Хотя... теперь мы можем провернуть эту шутку с Жужу!

Мы притаились за стволом дерева и стали ждать, но ни Жужу, ни Тит так и не появились. Потом нам совсем надоело так сидеть, мы перешли мост, пробрались через зыбучие пески и подошли к Убежищу. Из-под деревянной двери просачивался свет. Жужу давно была там. Тит спал, свернувшись калачиком в углу, как сурок. Жюли сидела на перевёрнутом ящике перед зажжённой свечой, подперев голову руками.

Только я вошёл, как сразу понял: что-то не так. Во-первых, Жужу не поздоровалась, а лишь молча взглянула на нас исподлобья. Во-вторых, на шее у неё красовался синяк, точно к ней присосалась большая пиявка. И это точно был не тот синяк, который проступает, если вдруг свалишься с дерева или

споткнёшься на лестнице.

Я хорошо знал Жюли и давно зарубил себе на носу, что в таких случаях лучше не задавать ей вопросов. А вот Эдди смекалкой не отличался. Он поправил очки, пригляделся и воскликнул:

– Эй, Жюли, что это с тобой приключилось?

Хуже не придумаешь. Сейчас Жужу покажет ему, что почём. Но Жужу лишь долго так посмотрела на Эдди и коротко ответила:

– Ничего.

– Как ничего? Да на тебе лица нет, и, похоже, тебя кто-то...

Но тут он заткнулся – мой друг хоть иногда и простоват, но сердце у него доброе, он и букашки не обидит. Я кашлянул и вытащил Каталог из-под рубашки. После нашей возни на Трухлявом мосту он весь испачкался в грязи, но в тот момент мне было начхать на грязь.

– Смотрите, что я нашёл, – сказал я.

Мы с Эдди подсели поближе к свече, и я мельком бросил взгляд на Жюли, на её потемневшие глаза, холодные, словно чёрные камушки. Может, это мать её так? Или... кто-то из тех мужчин, что частенько захаживают в хижину на окраине? Лучше ничего не спрашивать, потому что одно дело синяк, который виден, а ведь бывают такие раны, от которых не остаётся ни синяков, ни других следов, однако они-то как раз болят сильнее всего. Поэтому я молча распахнул Каталог, прикрыл рукою страницу, чтоб они сразу не увидели, что же это я выбрал, и объявил:

– Я придумал, как нам потратить наши три доллара.

– Как? – Эдди уже попытался было отодвинуть мою ладонь, да ведь я не дурак, я не позволю ему испортить сюрприз. Я ухмыльнулся и выдал:

– Мы купим полицейский револьвер! – И, убрав руку, я гордо продемонстрировал объявление из Каталога.

«Полицейский револьвер двойного действия с автоматическим взводом. 38-й калибр, нарезной ствол. Надёжен и точен. Легко разбирается на части».

Пистолет стоил чуть меньше двух долларов, так что у нас оставались деньги на патроны и пересылку. И может, даже несколько центов на ириски из магазина мистера Траверта. Я уже так и видел, как иду по главной улице с пистолетом за поясом, как настоящий шериф. В воскресенье я дождусь, пока Донни-Красавчик выйдет из церкви в своей новой франтовской шляпе, и – БУМ! – одним выстрелом собью её у него с головы! Вот все вокруг примутся хохотать, а Бекки, которая глаз с него не сводит, отныне будет смотреть только на меня, и...

– А зачем нам револьвер? – спросил Эд.

– Как это? – не понял я. Даже Эдди-Кузнечик был не настолько глуп, чтобы задавать такие идиотские вопросы.

– Ведь у тебя дома уже есть ружьё, верно? А ружьё стреляет куда дальше...

– Да ты только подумай своей башкой! – немного обиженно воскликнул я. – Ты знаешь, кто такой Билли Кид? А Джесси Джеймс? А Бутч Кэссиди?

Глаза Эдди за стёклами очков расширились и сделались как блюдца.

– Преступники? – неуверенно предположил Эдди.

– Это самые знаменитые бандиты Дикого Запада! – возмутился я. – И они, по-твоему, ходят с ружьями? Да ни разу! Ружьё – оно у любого фермера есть. А у преступников – револьверы!

Эдди задумчиво почесал за ухом:

– Я, право, не знаю, что там у преступников, но, если честно, когда надо попасть в цель, всё же лучше ружьё. Индеец Джо однажды подстрелил из ружья медведя. А ты вот попади в медведя из револьвера!

– Ясное дело, поэтому на охоте и используют ружья. А преступники – они все вооружены револьверами, так героичнее! Если у нас будет револьвер, мы тоже станем героями!

– Но я бы не хотел быть преступником... – уже не так уверенно протянул Эдди.

– Вот поэтому мы и купим полицейский револьвер! – вздохнул я. – В объявлении же всё ясно сказано!

Эдди всё ещё сомневался, и мне пришлось убеждать его, что в нашем посёлке нас точно назначат шерифами и, само собой, дадут звезду. Все станут смотреть на нас с уважением, и у нас будет море приключений, мы покроем наши имена славой, как герои тех журналов за один пенни[2 - Пенни – то же, что цент.], которые мы случайно нашли в бумагах отца Эдди.

Жужу всё молчала, потом вдруг подняла голову.

– Я согласна. Уж я-то знаю, на что сгодится револьвер, – сказала она.

В это мгновение Тит громко зевнул из своего угла, словно тоже давал своё согласие, и таким образом решение было принято. Оставалось лишь сделать заказ, а это тоже дело нешуточное. Не можем же мы просто так заявиться к почтальону и вручить ему письмо. Он ведь тотчас всё разболтает родителям, и крышка нашим мечтам. Или, чего хуже, мистер Куинау может заметить, что в конверт вложены монеты, откроет его и присвоит наши деньги.

В общем, стоило хорошо пораскинуть мозгами, ведь второго такого шанса могло и не представиться. Мы провели всю ночь, отбрасывая идею за идеей, пока, наконец, не придумали план действий.

Из нас четверых Эдди лучше всех умел читать и писать, а уж бумаги и чернил у него дома было навалом, так что порешили, что он и напишет письмо – только аккуратно и без ошибок, точнёхонько указывая номера заказов для револьвера и для патронов.

Жужу взяла один из трёх долларов и отправилась покупать почтовую марку. Из всех нас только она могла ходить куда вздумается, не переживая, что на неё

косо посмотрят, – наверное, потому, что на Жужу всегда смотрели косо. И потом, никто бы не удивился, завидя у неё в руках целый доллар, – дружки матери иногда подкидывали ей деньги, и Жужу покупала на них всякое разное для хозяйства.

Оказалось, что на один конверт нужно целых три марки. На одной был нарисован пароход, а на двух других – поезд, мчащийся во весь опор в клубах дыма. Эти марки так нам понравились, что на мгновение мы даже подумали: а не бросить ли к чертям затею с пистолетом и не купить ли на все деньги почтовых марок?

Когда всё было готово, пришла моя очередь, и, как всегда, мне досталось самое трудное. Я вложил письмо и полдоллара на пересылку в конверт, наклеил на него марки и приготовился к «передаче заказа».

Мистер Куинау развозил почту по фермам раз в неделю: рано утром он выезжал из посёлка на своей бричке и не спеша объезжал окрестности, вручая почту получателям и собирая письма для отправки в центральный почтовый офис в Новом Орлеане. Примерно в час дня почтальон останавливался на обед на одной из ферм, чаще всего у Фабронов или на хлопковой плантации Лафонтенов. По вечерам он отправлялся в бар пропустить стаканчик-другой и после нескольких стаканов виски уже не проверял адреса на каждом конверте, а просто собирал почту в мешок и передавал с дилижансом в Новый Орлеан.

Конечно, в любой момент что-то могло пойти не так, но выбора у нас не было. Если мы хотели заполучить револьвер, то приходилось идти на риск. В назначенный день я смылся из дома, пока никто не видел, сломя голову побежал в посёлок и залез на высокий кипарис, росший у дороги. Завидев, что мистер Куинау поворачивал бричку налево, я понял, что сегодня он поедет окружной дорогой, а значит, заедет к Лафонтенам. Я помчался в ту сторону и залёг в засаде вблизи хлопковой плантации.

На самом деле я надеялся, что почтальон остановится на обед у Фабронов – там я был за своего, и собаки хорошо меня знали. Оставалось убедить себя, что всё и так пройдёт как надо.

Я спрятался среди хижин чернокожих, работавших на плантации, поболтал с женщинами, они угостили меня куском дыни. Когда почтальон вошёл в дом

обедать, я вскочил в бричку и сунул наш конверт в сумку, спрятав его среди других писем.

Готово! Довольный, веря в успех нашего предприятия, я вернулся домой, где мама закатила мне настоящий концерт, потому что я опять исчез неизвестно куда. Тем же вечером в Убежище я гордо сообщил друзьям, что дело в шляпе и что нам не остаётся ничего другого, как ждать.

И мы стали ждать.

4

Топорик Миссури

Примерно тогда и произошло убийство мистера Дарсли.

Эдгар К. Дарсли был заключённым, то бишь преступником, которого полицейские сцапали и засадили в тюрьму. Он наверняка натворил что-то ужасное, потому как судьи дали ему пожизненный срок. Но однажды ночью Дарсли всё-таки сбежал из тюрьмы, где просидел уже несколько лет.

Мастерски он провернул это дело, уж вы мне поверьте. Неизвестно как, но мистер Дарсли раздобыл длинный гвоздь и воткнул его прямо в горло стражнику. Пока тот барахтался на полу, Дарсли схватил ключи и бросился во двор тюрьмы, нырнул в люк канализации и исчез в подземной клоаке Чикаго, что твоя крыса. Правда, копы тут же забились тревогу и помчались по следу. Через несколько часов его труп уже нашли в заброшенном переулке: кто-то прикончил мистера Дарсли, не дав ему насладиться вновь обретенной свободой.

Понятно, что в те времена ни я, ни мои друзья и слыхом не слыхивали о каком-то там Дарсли, ничего не знали о Чикаго и вообще. Но в каком-то смысле именно той ночью и начались наши приключения. И если бы мистер Дарсли сидел себе спокойно в камере, то прожил бы куда дольше, а я знай себе только и думал бы что о каноэ да о том, как здорово мы поплаваем на нём этим летом.

Ан нет – мистер Дарсли сбежал, его уложили тремя пулями в самое сердце, а за этим убийством потянулось и всё остальное. Как любил повторять преподобный Томпсон в воскресной школе, прошлого не поворишь. Вот почему следует заранее хорошо подумать, ведь разбитую вазу уже не склеить.

А пока я, Эдди, Жужу и Тит ждали. Мы знали, что пройдёт какое-то время, прежде чем наш заказ попадёт в офис компании «Уокер&Даун» – это как раз те, что выпускают Каталог. Но мы не предполагали, что времени понадобится так много.

Через неделю мы с Жюли чуть ли не по пятам бегали за мистером Куинау, пока он развозил почту. Но завидев, что он и не думает поворачивать на дорогу, что ведёт к нашей ферме, так огорчались, что у нас чуть сердце не разрывалось.

Ещё через неделю дело стало хуже. Мама навалила на мои бедные плечи совершенно непосильное задание – помогать Чаку и Те Ду строить загон для гусей, а так как я был самым младшим из них, те разобрали себе самое интересное (пилить и строгать доски), а мне только и оставалось, что быть на побегушках – сгоняй туда, подай то да сё: топор, молоток, гвозди. И когда внезапно показался мистер Куинау, причём совсем рано, ещё до обеда, и объявил, что для нас почта, то я бросился к нему со всех ног, чтобы перехватить пакет до того, как кто-нибудь заметит почтальона, но мама уже вышла из кухни. Слава богу, это была не посылка из Каталога, а всего лишь письмо от тётки Анны, что жила в Батон-Руж, и мне пришлось долго читать его маме, а потом ещё полдня писать длинный и нудный ответ.

На третьей неделе мы решили, что уже пора, но мистер Куинау так и не объявился, и на четвёртой тоже, а на пятой привёз ответ от тётки Анны.

– Как по мне, так старый орангутанг нас надул, – поделился я своими подозрениями с Эдди и Жужу.

Стоял полдень, мы рыбачили на берегу байу, опустив ноги в воду. Такой жаркой весны уже давно не бывало. Тит играл неподалёку с разноцветными камушками. Он сгрёб их в кучу и раскладывал на земле по очереди: сначала один, потом второй. Затем добавлял ещё два, три, пять, восемь и так далее. Потом он снова собирал все камни в кучку, недоумённо глядел на них, что-то мяукал по-своему и начинал по новой в том же духе.

– Невероятно, – заметил Эд. – Не зная твоего брата, можно подумать, что он умеет считать.

– Может, он и умеет, – отозвалась Жужу. – Кто его знает, он ведь почти не говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

На французском языке deux, trois, quatre, cinq – это числительные 2, 3, 4, 5. То есть их звали Те Второй, Те Третий и т. д.

2

Пенни – то же, что цент.

Купить: https://telnovel.com/ru/morozinotto_davide/znamenityy-katalog-uoker-daun

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)